

"Вечерний Ленинград"
1-й сент. 1969

«ЛЮБОВЬ МОЯ, САТИРА»

РАССКАЗЫВАЕТ
АРКАДИЙ
РАЙКИН

Пробиваться и Райкину нам пришлось несколько раз. Еще был театр, готовился подняться занавес в своем родном городе, где он не был около года: сильнее всех волновался, естественно, руководитель коллектива — до интервью ли тут? «Но если это интервью «между прочим», иранчо сказал нам Аркадий Исаакович, — то давайте в перерыве между репетициями». Мы и пришли к общему мнению: перерывов в этом театре во время репетиций почти не бывает.

Первое, что мы встретили в кулисах — были разнарядчики, ящики с реквизитом, по изюминкам которых можно было, пожалуй, изучать не один иностранный язык. На сцене артисты театра Р. Рома, Т. Кушелевская, В. Горшенкина, Г. Новикова, В. Лякинция разыгрывали одну из комедий. В кулисах, в углублении сценического пространства, беседами с режиссером спектакля Р. Сусловым, поднабавляя, советуя что-то репетирующим актерам и одновременно давая указания осветителям и звукооператорам, стоял тот, кто назывался в кулисах так не повезло: пока мы пробрались за кулисы сцены, Райкин исчез.

Мы нашли его в полумраке зрительного зала, откуда он уже бежал за репетицией. Право, нам было нелегко задавать вопросы, особенно в таком загроможденном зале. Но Райкин уже столько и в таких неподходящих условиях интервьюировали, что он теперь не удивлялся ничему. Даже более того: не успели мы принести традиционные журналы с пресс-фотографиями, как Аркадий Исаакович извинился сам за то, что ему придется беседовать, не прерывая репетиций. Он неотступно следил за происходящим на подмостках, неоднократно поднимался из кресла и устремлялся своей легкой, знаменитой разнарядкой к подмосткам, и зрители, останавливая действие, просили повторить тот или иной эпизод, то подсказывали, то показывали какой-то жест, движение; интонацию персонажа. И вместе с тем отвечал на наши вопросы.

Аркадий Исаакович, наконец, разумеется, исполнил слов о новом сезоне.

— Мы открываем его в любимом городе спектаклем «Светофор». Как и прежние наши постановки, «Светофор» прежде всего обращен в современность, он высвечивает те недостатки, которые не только еще существуют, но и пытаются оттянуть свою гибель, мешают нам жить. Герои его — вам знакомы, это те, с кем мы еще порой встречаемся то на работе, то на улице, то в метро, то в магазине, а то и дома: мешане, приспособленцы, бюрократы, консерваторы, невежды.

Этот спектакль, поставленный в содружестве с заслуженным артистом РСФСР Р. Сусловым и оформленный лауреатом Государственной премии, заслуженным деятелем искусств РСФСР С. Мандельем, мы показывали в Москве, Ульяновске, Саратове. В октябре «Светофор» заходит в Варшаву, где будет проходить Декада русского искусства.

Сейчас мы работаем над следующим спектаклем, который условно пока называем «Светофор-2».

Надеемся, что его премьера состоится в начале будущего года.

Мы особенно заволнованы тем, что этот сезон начинаем в родном Ленинграде, городе, где тридцать лет назад, 6 ноября 1939 года впервые поднял занавес наш Театр миниатюр.

Тридцать лет. Сиромная вроде бы цифра. А за эти годы показано двадцать пять спектаклей. И в каждой из них Аркадий Райкин появлялся примерно в тридцати различных ролях. Каждой из них были отведены считанные минуты сценического времени — одна, две, три. Но убеждены, что любого своего персонажа актер мог бы играть в продолжение целого вечера — настолько глубоко и естественно знает Райкин жизнь своих героев, их суть, характеры.

— Не боялись ли вы, как желания копировать выведи одного из своих героев на сцену драматического театра?

— «Вывести» на подмостки Ивана Петровича или Петра Ивановича и заставить их действовать в течение полнометражного спектакля — не столь трудно. Главное — отсечь все лишнее, оставив самую их суть, и за минуту общения со зрителем раскрыть этого человека так, чтобы зритель смог отчетливо представить всю его жизнь — прошлое, настоящее и будущее.

— Аркадий Исаакович, вы бываете на сцене личным и грустным, задумчивым и шутивым. Но, думается, главная ваша страсть, ваша любовь — сатира. Отчего так?

— Будуши оптимистом, я верю, что все пороки и недостатки — излечимы. Мне хочется, чтобы все то, что нас окружает, было лучше, добрее, человечнее. И потому я убежден, что театр сатиры — самый гуманный театр в мире. Он активно борется с тем, что не имеет никакого права жить сегодня.

Нередко мы встречаемся на сцене с милой, остроумной, веселой шуткой. Юмор этот, при всей его привлекательности, чаще всего безобиден. Но оправдан ли сегодня театр, который живет только лишь этим?

Мы тоже любим шутку, юмор и нередко в наших спектаклях пользуемся ими. Но видим их только как ступени к основному, к сатирическому анализу отрицательного социального явления, к его разоблачению. Сражаясь со злом, сатира защищает добро. Защищает с мечом в руках. Однако при этом сатирик всегда должен оставаться добрым человеком, ибо он отрицает какие-то явления, утверждая положительные идеалы. Таково и кредо нашего театра. Мы любим людей, любящих добро, любящих юмор.

А на сцене шла репетиция одной из миниатюр «Светофора». На нас, взгляды, вроде бы все шло гладко. Чуткий же глаз Райкина заметил неладное. Аркадий Исаакович извинился, пошел и — спеша — к эстраде. Два-три его жеста, чуть иная интонация — вся сцена за-

звучала иначе: несравненно острее, злее. Персонажи приобрели особые зримые черты. А сколько их! Таких вывел Райкин на сцену! Один давно умерли (не без его помощи), другие еще сопротивляются, судорожно цепляясь за жизнь.

— Не всем прототипам этих «мешан» по душе то, что делают Райкин и его театр. Немало писем, исполненных «благодарного» мешанского гнева, поступает автору. Ничего, всевозможных, поразжающих своей нелепостью слухов и сплетен языбают порой д. именем Райкина.

Этому мешанскому «клевуну» автор противопоставляет неважно высокого гражданского темперамента, свою истинность и тому, что мешает нам жить. В этом деле его активные помощники — коллектив театра и, конечно, те, кто не выходит на эстраду, — авторы.

— Аркадий Исаакович, кто из авторов сотрудничает с вами, сегодня?

— Над созданием наших программ (и «Светофора», и будущего «Светофора-2») работали и работают ленинградцы Гиньяры — М. Гиндин, Г. Рябинин, К. Рыжов, знаменитый литературной частью нашего театра М. Жванецкий и трое молодых московских инженеров, чье никем ни пока не хочу раскрывать.

— Авторы, видимо, в основном молодые. Молодые артисты появились и у вас в труппе. И наш последний вопрос — он, вероятно, вам покажется традиционным — чего бы вы пожелали нашей театральной молодежи?

— Главное — никогда не забывать о гражданском долге советского актера, об общественном значении искусства. Всегда помнить, что сцена — это трибуна, и точно знать, ради чего ты поднимаешься на нее, во имя чего отдаешь себя, свой талант людям, с кем ты общаешься. Ж. современникам.

— Говоря о разных городах и странах, вы всегда с особой теплотой говорите о людях, обладающих чувством юмора. А каково, по-вашему, жить человеку, лишенному юмора?

— Таких мне просто жаль. Они обречены на жизнь без улыбки, без радости, без солнца.

На этом мы закончили наше интервью. Но Райкин не закончил репетицию. Она продолжалась. Гасли и зажигались прожекторы, передекалижировались декорации, сменялись миниатюры.

А вечером этому сатирику-вошеднику, человеку с тысячами лиц и такой хорошо нам всем знакомой фамилией — Райкин — вновь предстояло вместе со своими коллегами выйти на сцену.

Ю. КРАСНОВ,
Б. МЕТИЦКИЙ